

В. В. БУРЕГА

«ДЕЛО КАСИЦЫНА»,
ИЛИ ПОЛЕМИКА О ВОЗМОЖНОМ ПЕРЕЕЗДЕ
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
ИЗ СЕРГИЕВА ПОСАДА В МОСКВУ В КОНЦЕ 1860-Х ГОДОВ

Годы царствования императора Александра II вошли в историю России как эпоха Великих реформ. В 1860—1870-е гг. практически во всех сферах общественной жизни произошли серьезные перемены. Было ликвидировано крепостное право, реформированы армия, судопроизводство, система образования, местное самоуправление. Преобразования коснулись и духовных школ. В 1867 г. были введены в действие новые уставы семинарий и духовных училищ, а в 1869 г. император утвердил и новый академический устав.

Одной из характерных черт общественной жизни эпохи Великих реформ было заметное оживление отечественной публицистики. Периодические издания стали смелее, а порой довольно остро критиковать различные стороны российской действительности. И церковная жизнь, естественно, не осталась за пределами внимания прессы. В газетах и журналах публиковались многочисленные статьи о быте белого и черного духовенства, церковном суде, проблемах духовного образования и о многом другом.

История, о которой пойдет речь в нашем небольшом исследовании, относится ко второй половине 1869 г. Тогда, после обнаружения нового устава духовных академий, в прессе развернулась полемика о будущем отечественного высшего духовного образования. Одним из аспектов этой полемики был вопрос о возможном перемещении Московской духовной академии из Сергиева Посада в Москву. Наиболее последовательно идею перенесения

Академии в старую столицу тогда отстаивал молодой бакалавр МДА Дмитрий Федорович Касицын. Именно поэтому материалы, касающиеся истории этой полемики, в личном архиве ректора МДА протоиерея Александра Васильевича Горского объединены в «Дело Касицына»¹.

1. «ФИЛАРЕТОВСКАЯ» АКАДЕМИЯ

В 1814 г. Славяно-греко-латинская академия была переименована в Московскую духовную академию и перемещена из старой столицы в Сергиев Посад.

Вопрос о необходимости перемещения Академии из зданий Заиконоспасского монастыря в какое-либо иное место неоднократно поднимался как в XVIII веке, так и в начале века XIX. Уже тогда указывалось, что расположение Академии в центре Москвы, среди городского шума, не соответствует норме «Духовного регламента», который гласил, что «место Академии не в городе, но в стороне на веселом² месте удобное, где несть народного шума, ниже частые оказии, которые обычно мешают учению, и находят на очи, что похищает мысли молодых человек и прилежать учениям не попускает»³.

Переезд Академии в стены Троице-Сергиевой лавры был сопряжен и с ее кардинальным преобразованием в соответствие с новым уставом, который был выработан в 1808 г. и с 1809 г. введен в Санкт-Петербургской академии.

Московская Академия в первые пятьдесят лет своего пребывания в Лавре была, бесспорно, Академией «филаретовской», так как Московский митрополит Филарет (Дроздов) являлся ее непосредственным начальником. Ни одно сколько-нибудь важное решение не принималось в МДА без его ведома⁴. По метко-

¹ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 7—9.

² То есть в живописном.

³ Регламент 1994. С. 168.

⁴ Подробнее см.: Смирнов 1879. С. 248—256.

му выражению профессора А. Л. Катанского, митрополит Филарет в течение 46 лет «был для Академии более чем обыкновенный высший начальник. Он, можно сказать, исключительно делал в ней хорошую и дурную погоду»⁵. И тесное общение Лавры и Академии было одним из заветов Московского святителя.

Святитель Филарет скончался в 1867 г. В том же году обер-прокурор Святейшего Синода граф Д. А. Толстой создал комитет по выработке нового устава духовных академий. С января 1868 г. комитет начал работу по подготовке реформы высшего духовного образования. Эти события стали историческим рубежом в жизни Московской академии. Именно в это время и было высказано предложение о перенесении МДА в старую столицу.

После того, как в июне 1868 г. комиссия по подготовке реформы духовных академий выработала проект нового устава, несколько авторитетных архиереев получили приглашение дать на него свои отзывы. Среди них был и преосвященный Макарий (Булгаков), тогда архиепископ Литовский. В своем отзыве он, в частности, предлагал сохранить преподавание общеобразовательных дисциплин лишь в одной из четырех академий с целью подготовки преподавателей по этим предметам для начальных и средних духовных учебных заведений (училищ и семинарий). Наиболее подходящей для этого он считал Академию Московскую, «если только переместить ее из Лавры в самую Москву, в здания Московской семинарии (по перемещении последней в здания Академии)»⁶. Фактически владыка Макарий предлагал поменять местами Московские Академию и семинарию.

30 мая 1869 г. император Александр II утвердил новый Устав духовных академий, характерными чертами которого были стремление к преодолению сословной замкнутости академий, введение специализации, сокращение в учебных планах числа общеобразовательных дисциплин. Теперь в академии могли по-

⁵ Катанский 1914. С. 190.

⁶ Замечания 1868. С. 24.

ступать «лица всех сословий»⁷. Преподавание велось на трех отделениях: богословском, церковно-историческом и церковно-практическом. Была ликвидирована заметная в прежнее время многопредметность за счет исключения из учебных планов дисциплин физико-математического цикла. Однако возможность возвращения Московской академии из Сергиева Посада в старую столицу в ходе подготовки реформы всерьез не обсуждалась. Poleмика по этому вопросу началась уже после обнародования нового Устава.

2. ПУБЛИКАЦИИ Д. Ф. КАСИЦЫНА

Дмитрий Федорович Касицын родился 6 января 1839 г. в селе Казаново Рузского уезда Московской губернии в семье диакона Федора Петрова и его супруги Елены Васильевой. Его отец имел обыкновение подписываться в метрических книгах своего прихода фамилией Косицын. Видимо, поэтому и Дмитрий Федорович получил такую же фамилию⁸. Позже, когда он был студентом, в официальных документах его фамилию писали по-разному: то через «о», то через «а». Поэтому и в архиве Московской духовной академии сохранилось два студенческих личных дела Дмитрия Федоровича. На одном значится фамилия Косицын⁹, на втором — Касицын¹⁰. Позже он сам всегда подписывался как Касицын.

Начальное образование Дмитрий Федорович получил в духовном училище при Саввино-Сторожевском монастыре. С 1854 по 1860 г. он обучался в Вифанской семинарии, которую окон-

⁷ Римский 1999. С. 325.

⁸ См.: Выписка из отношения Московской духовной консистории от 14-го июля за № 4666 с сообщением о рождении и крещении воспитанников Вифанской семинарии Дмитрия Косицына и Петра Виноградова. 1860 (?). ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1817. Л. 3.

⁹ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1817.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1645.

чил первым учеником, после чего поступил в Московскую духовную академию. В списке выпускников двадцать четвертого курса МДА (1860—1864) Касицын значится третьим магистром¹¹.

По окончании Академии Дмитрий Федорович был определен в Вифанскую семинарию сначала преподавателем патристики и греческого языка, а затем логики, психологии и латинского языка. В июле 1867 г., после перехода в Московский университет экстраординарного профессора МДА Н. К. Соколова, преподававшего частную церковную историю нового периода (история Западной Церкви с XVI века), Д. Ф. Касицын был переведен в Академию на должность бакалавра по кафедре истории Западной Церкви¹². Таким образом, в 1869 г. он был один из самых молодых членов академической профессорско-преподавательской корпорации.

Дмитрий Федорович тесно сотрудничал с «Московскими ведомостями», фактически заведя здесь «духовными вопросами»¹³. Именно в воскресном приложении к этой газете (в «Современной летописи») 5 октября 1869 г. появилась публикация Дмитрия Касицына с красноречивым названием «Должно ли оставаться Московской духовной академии и на будущее в Сергиевском Посаде?» Эта статья датирована 25 августа 1869 г.

26 октября 1869 г., то есть спустя три недели после выхода в свет первой статьи Касицына, в том же издании появилось еще одно его сочинение: «К вопросу о перемещении Московской духовной академии в Москву». Эта статья датирована 13 октября 1869 г. Несмотря на то, что второе сочинение было написано спустя почти два месяца после написания первой статьи, эти две публикации можно рассматривать как единое целое.

В начале первой из указанных публикаций Д. Касицын рассуждает о причинах, побуждавших в древности духовные шко-

¹¹ Смирнов 1879. С. 570.

¹² Там же. С. 395—396.

¹³ П-в Н., свящ. 1908. Ст. 83.

лы прятаться за стенами монастырей: «В те, к счастью для человечества, давно минувшие времена, когда в жизни господствовала военная сила, сокрушавшая или подчинявшая себе всякого, кто не в состоянии был ей противиться, монастыри были почти единственными убежищами для людей, искавших покоя и мирных умственных занятий»¹⁴. Поэтому не удивительно, что за могучими монастырскими стенами процветала средневековая ученость, собирались обширные библиотеки, открывались школы.

С течением времени историческая ситуация изменилась: «Стены монастырские потеряли свое прежнее и получили новое назначение. Чтобы предаться самым отвлеченным умственным занятиям, уже не было нужды скрываться за крепкими монастырскими стенами. Не стало и в иноках прежней любви к книжному учению, а между тем они владели огромными библиотеками и знали, по преданию, что их предки очень дорожили ими. Не принимая на себя лично труда знакомиться с книгами, обитатели монастырей благо разумно давали возможность другим пользоваться их сокровищами, давали школам и *материальные и нравственные средства к занятиям...* В подобных же, как известно, обстоятельствах находит для себя объяснение и помещение в Сергиевской Лавре сначала Троицкой семинарии, а потом и Московской духовной академии»¹⁵.

Из этих предпосылок следует вполне логичный вывод. В изменившихся исторических условиях нахождение школ внутри монастырских стен перестало быть целесообразным: «Разобщенные с жизнью, школы не могли преподавать и животворного учения, и вся их во многих случаях удивительная ученость известна ныне под именем бесплодной и мертвой схоластики»¹⁶.

Таким образом, помещение школ в монастырях в новое время перестает, по мнению Д. Касицына, приносить плоды. Оно ведет

лишь к отрыву этих учебных заведений от реальной жизни. Вот как автор статьи описывает жизнь гипотетической школы, изолированной от общества: «Проходят целые века, потребности жизни совершенно изменились, а в школе, благодаря ее замкнутости, продолжают неизменно ратовать против тех самых возражений, которые предлагались во времена первых основателей и руководителей школы. Общество с изумлением выслушивает от подобных наставников учения и возражения, которое они, однако ж, ему приписывают, и уходит при начале их проповеди; наставники сокрушаются и сетуют на равнодушие общества, видя в этом еще большее оскудение веры и благочестия между людьми»¹⁷.

Далее Касицын отвечает на возможное возражение своих оппонентов: «Но именно это-то замирание, эта стойкость и неподвижность и желательны, говорят, в духовных заведениях по отношению к таким истинам, как вечные истины Евангелия». Ответ автора статьи предельно эмоционально заострен: «А мы думаем, что именно к истинам Евангелия и неприложим тот мертвый взгляд, с которым относятся к ним в школах, что именно по причине такого взгляда богословие — наука, предназначенная решать самые высшие проблемы человеческого знания, — и отталкивает от себя учащихся. Иначе отчего истины, которые возбуждали столь высокий интерес в Древней Церкви... не привлекают к себе внимания современных слушателей?.. Со своей стороны думаем, что указанное явление происходит, между прочим, от замкнутости, неподвижности, совершенного отчуждения богословской науки от современного состояния общества. Не от разращения общества зависит охлаждение к религии... Не есть ли самое обвинение общества в охлаждении к религии изобретение тех богословов замкнутой школы, которые, видя равнодушие общества к их проповеди, заключают из сего об охлаждении общества к евангелию, тогда как на самом деле равнодушие общества относилось не к религии и Евангелию, а к тому способу пропове-

¹⁴ Касицын 1869. I. С. 7. Ст. 2—3.

¹⁵ Там же. С. 7. Ст. 3.

¹⁶ Там же. С. 7. Ст. 3.

¹⁷ Там же. С. 8. Ст. 1.

ди евангельской, в котором нельзя узнать *Евангелия*, к тому богословию, которое давно осуждено в лице схоластики»¹⁸.

Интересно привести и то определение схоластики, которое дает Касицын: «Что такое схоластика? Разрыв науки с жизнью, замкнутость школы самой в себе, вращение мысли в одних и тех же, однажды навсегда замкнутых формах, без духа оживляющего, трата сил и способностей на мелочи и забвение насущных потребностей жизни, ряд доказательств на то, что не требует и не стоит доказательств, сила в мелочах и слабость в главном, существенном». И далее следует довольно смелый вывод: «А именно таково и наше современное богословие. Что такое его возражения, как не борьба с воздушными мельницами?»¹⁹

Под этой борьбой Д. Касицын разумел полемику с Василидом, Карпократом, Арием, Евтихием и другими ересиархами древности, которая по-прежнему ведется в академических аудиториях. Он полагал, что подробное изучение догматических споров первых веков бытия Церкви уже не актуально. Новое время выдвигает свои требования: «Если бы св<яты> отцы жили в наше время, то последующие поколения не нашли бы борьбы с гностиками у св. Иринея, с новацианами у св. Киприана, с арианами у Афанасия Великого, Григория Богослова и других. Они направили бы свои силы на поучение современного мира, а не на бесплодное назидание векам минувшим, начали бы борьбу с действительными врагами и опасностями, а не с воображаемыми или такими, о которых едва сохранилась память в истории»²⁰.

Далее Д. Касицын приводит отрывок из речи, сказанной ректором Московской духовной академии протоиереем Александром Горским на юбилейном акте по поводу пятидесятилетия Академии в 1864 году²¹. В этой речи отец ректор сравнил современное

¹⁸ Там же. С. 8. Ст. 1—2.

¹⁹ Там же. С. 8. Ст. 1—2.

²⁰ Там же. С. 8. Ст. 2—3.

²¹ Напомним, что до революции датой создания МДА считалось 1 октября 1814 г. Соответственно, пятидесятилетний и столетний юбилей Академии

ему академическое образование с тем идеалом духовного образования, который начертал святитель Григорий Богослов от лица своего внука Никовула. Сначала надлежит изучить все внешние науки, дабы уразуметь «природу вещей и воздушных, и земных, и морских, и небесных»²², и лишь после этого переходить к богословскому учению. «Нельзя не признать с утешением», — говорил в 1864 г. отец Александр Горский, — «как близко соответствуют этим примерам наши высшие духовные училища по духу и направлению. В них общее образование предшествует богословскому и в направлении своем определяется им»²³.

Касицын не соглашается со столь высокой оценкой, данной отечественному духовному образованию: «В чем полагал св. Григорий Богослов задачу высшего образования для своего внука? В том, чтоб он усвоил себе *все* образование *современного* ему века, уразумел природу вещей воздушных и земных, морских и небесных... и за сим употребил все это знание на спасение свое и других»²⁴.

На основании приведенных суждений Касицын делает серьезное заключение: «Не можем не высказать своего взгляда, что изгнанные науки физика и математика и для пастырей Церкви несравненно полезнее вновь открытых *особых* кафедр пастырского богословия, гомилетики, сравнительного богословия, славянских наречий». В подтверждение столь категоричного суждения автор статьи дает весьма занимательную характеристику последних четырех дисциплин. Из его слов видно, что, собственно, представляли собой эти курсы в середине XIX в.: «Что такое, например, пастырское богословие? Несколько отрывков из слов Григо-

праздновались в 1864 и 1914 гг. Полностью юбилейная речь отца А. В. Горского опубликована в: Сборник, изданный по случаю празднования 50-летия Московской Духовной Академии. М., 1864.

²² *Greg. Naz. Nicobuli filii ad patrem*, PG 37, 1511:72. Рус. пер.: *Григорий Богослов, св. Творения*. Т. 2. ТСЛ, 1994. С. 270—271.

²³ Цит. по: *Касицын 1869*. I. С. 8—9.

²⁴ Там же. С. 9. Ст. 1.

рия Богослова и пяти слов св. Иоанна Златоуста о священстве. Более пяти, шести лекций нет содержания для науки, если не заимствовать его из области других наук. Что такое гомилетика и история проповедничества в Церкви православной и на западе? Несколько отрывков из гражданской истории, патристики, церковной истории — древней, новой и русской. Сравнительное богословие целиком входит в историю догматов и в догматическое богословие. Славянские наречия не составляют необходимости в круге предметов собственно богословского образования»²⁵.

Изъятие из учебных планов естественнонаучных дисциплин и увеличение за их счет количества часов, отведенных для преподавания специальных церковных предметов, Касицын интерпретировал как фактическое превращение академий в богословские факультеты. Тем самым новый Устав отверг прежний идеал высшего образования, в соответствии с которым лишь все факультеты университетов «в своей совокупности доставляют одно истинное академическое и истинно университетское образование... Отныне одна только внешняя кровля отделяет Академию от университета. Академия перестала быть академией в прежнем смысле — самостоятельным целым с своими философскими, историко-филологическими и математическими разрядами наук; она явилась простым богословским факультетом, который, без крайнего вреда для самого себя, не может существовать вдали от других факультетов»²⁶. И тут Д. Касицын впервые высказывает мысль, ради которой, собственно, и была написана его статья: «Другие академии, поставленные в центре общественной жизни, еще могут выносить это неестественное положение... В совершенно иных условиях находится Академия, помещенная в Сергиевском Посаде; с своим одним богословским факультетом она окажется в совершенно замкнутом круге»²⁷.

²⁵ Касицын 1869. I. С. 9. Ст. 2.

²⁶ Там же. С. 9. Ст. 2—3.

²⁷ Там же. С. 9. Ст. 3.

Итак, Дмитрий Касицын полагал, что разрыв между светским и духовным образованием, неизбежно грозивший Московской академии, может быть преодолен в случае ее перемещения в старую столицу. «Время, кажется, сознать, наконец, что не семейная, а именно школьная, замкнутая жизнь развивает материализм и другие зловерные учения; потому что ни одна мать не станет излагать перед своей дочерью или сыном теорию нигилизма; равным образом ни один сын, тем более ни одна дочь не позволят себе оскорбить слух своей матери противными ей учениями. Только в школах, совершенно отчужденных от жизни, молодые умы, предоставленные самим себе, мало-помалу привыкают к тому... (опускаем существительное, да не оскорбим слух читателя!), о котором не жившие в школах не могут составить себе даже приблизительного понятия. Резкие фразы о вере и нравственности вызывают порицание в каждом обществе; в школе, напротив, они награждаются громкими рукоплесканиями»²⁸.

Не согласен Касицын и с тем, что в Сергиевом Посаде студенты ограждены от дурного влияния окружающего общества: «Что вообще до соблазна, то в Посаде его несколько не меньше, чем в Москве, с тем существенным различием, что недостаток хорошего знакомства в посаде заменяется большею частью положительно дурным. О влиянии на студентов жизни иночествующих скажем словами псалмопевца: *Да не возглаголют уста наша дел человеческих!* Реформа, самая радикальная реформа должна преобразить наши монастыри...»²⁹

Предложив читателям «Современной летописи» свои суждения принципиального характера, Д. Касицын переходит к конкретным практическим предложениям, сформулированным в четырех пунктах:

1. Найти в Москве здание, принадлежащее Святейшему Сино-

²⁸ Там же. С. 9—10.

²⁹ Там же. С. 10. Ст. 1.

ду, достаточное для помещения в нем 120 казеннокоштных студентов Академии, предусмотренных новым Уставом.

2. Здания Академии в Сергиевом Посаде передать за материальное вознаграждение Троице-Сергиевой лавре. Возможно, что Лавра из своих средств выделит сумму, превышающую реальную стоимость академических зданий.

3. После предполагаемой реформы монастырей, «вследствие которой неизбежно будут закрыты некоторые из них, здания какого-либо московского монастыря могут быть отданы для помещения Академии»³⁰.

4. Перемещение Академии в Москву позволит увеличить число студентов, а также даст возможность своекоштным воспитанникам найти заработок в городе.

Касицын полагал, что после перемещения Академии в Москву число студентов можно будет увеличить в два, а то и в три раза. «Сумма же на содержание Академии будет отпускаться та же, а пользы будет вдвое, втрое... Вот это действительная экономия!»³¹ По мнению автора статьи, для покупки здания в Москве потребовалось бы от 100 до 200 тысяч рублей. Он полагал, что лучше единовременно употребить эту сумму, нежели ежегодно нерационально расходовать средства на содержание существующего штата преподавателей при совсем небольшом количестве студентов.

С переездом Академии в Москву автор статьи связывал и целый ряд других преимуществ. Во-первых, в старой столице наставники и студенты получали доступ к публичной, синодальной, епархиальной и частным библиотекам, ведь «как ни богата академическая библиотека, тем не менее то или другое исследование нередко замедляется и останавливается за недостатком книг, необходимых для справок, чего в Москве не было бы»³². А во-вто-

рых, в Москве Академия могла бы наладить более тесные связи с университетом и другими светскими высшими учебными заведениями. Стало бы возможным приглашение в МДА для чтения лекций университетских профессоров. «Это живое соприкосновение Академии с университетом не могло бы остаться без важных последствий для той и для другого, и вернее всякого другого средства вывело бы Академию из ее нынешней замкнутости»³³. Этими словами Дмитрий Касицын завершает свою статью, опубликованную в «Современной летописи» 5 октября 1869 г.

Надо полагать, что поводом для написания второй статьи послужили события, имевшие место на Епархиальном съезде московского духовенства 20 августа 1869 г. Один из представителей сельского духовенства высказал мысль об открытии в епархии ремесленной школы «для детей духовенства, преимущественно для не могущих поступать в семинарию и выходящих из училищ». По сообщению «Православного обозрения», эту идею сочувственно воспринял митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов), который обещал «содействовать осуществлению ее денежными средствами». Более того, святитель поручил «одному из московских протоиереев составить проект устройства подобной школы»³⁴.

Ознакомившись с отчетом о епархиальном съезде, Д. Ф. Касицын и написал статью «К вопросу о перемещении Московской духовной академии в Москву». Чтобы избежать дорогостоящей реконструкции Вифанской семинарии, он предложил перевести ее в Лавру, в бывшие академические корпуса, а в Вифании устроить указанную ремесленную школу.

Таковы были предложения бакалавра Касицына. Постараемся теперь проанализировать основные положения двух его статей.

Первой принципиальной идейной предпосылкой Дмитрия Федоровича было суждение о том, что расположение высших школ

³⁰ Касицын 1869. I. С. 10. Ст. 1.

³¹ Там же. С. 11. Ст. 2.

³² Там же. С. 11. Ст. 2.

³³ Там же. С. 11. Ст. 2.

³⁴ С. Н. Б. 1869. С. 315.

в уединенных местах, удаленных от центров политической жизни, — это наследие средневековья, которое должно быть преодолено. Позволим себе не согласиться с этим суждением. Само слово «Академия», как известно, греческое. Исторически оно обозначало местность, расположенную неподалеку от Афин и названную в честь античного героя Гекадема, который, по преданию, некогда владел этим земельным участком. В IV веке до Рождества Христова Платон избрал Академию местом своей педагогической деятельности. Причем выбор его был обусловлен не в последнюю очередь тем, что Академия представляла собой живописную местность, удаленную от городского шума³⁵. Античный идеал академии как тихого места, удаленного от больших городов, пережил Платона на много веков. Достаточно вспомнить, что Цицерон в подражание Платону назвал Академией свою загородную виллу, в которой были написаны «Академические вопросы». Так что изначально понятие «Академия» было связано с представлением об уединении для сосредоточения на научных занятиях. И этот идеал высшей школы сформировался отнюдь не по причине господства в античности «военной силы», сокрушавшей или подчинявшей «себе всякого, кто не в состоянии был ей противиться».

Средневековье же выработало другой тип высшей школы — университет. Появление западноевропейских университетов было тесно связано с ростом городов и потребностями развивающейся экономики и культуры. Именно поэтому университеты возникали, как правило, в центрах средневековой городской жизни. Причем эти новые высшие школы изначально имели конкретную практическую направленность, в то время как идеалом античной Академии было стремление «возможно более приблизиться к познанию чистой абсолютной истины»³⁶.

По поводу суждений Касицына о необходимости изучения в

³⁵ Подробнее см.: Дроздов Н. М. Прототип Академии. Киев, 1903.

³⁶ Титов 1906. С. 6.

духовных академиях физики и математики следует заметить, что XIX век был веком стремительного развития естественных наук. Одинаково хорошо изучить философию, историю, физику, химию, математику и биологию студент уже не мог. Окончательно уходил в прошлое идеал универсального высшего образования. На первый план выходит все более детальная специализация научных дисциплин. Этот процесс затронул и церковную науку.

Профессор МДА П. С. Казанский писал в 1872 г.: «Знания ныне так раздробились, так оспециализировались, что мечтать о соединении их в одном высшем общем заведении уже нельзя. Университеты, как совокупность всех знаний, могли возникнуть в средние века. Не пора ли подумать о том, что университеты уже не своевременны, что для каждого отдела наук должны существовать особые заведения... При специализации наук в особые центры управление их шло бы стройнее; внимание учащихся не развлекалось бы разнообразием предметов. Тогда прекратился бы, вероятно, сам собою и спор о классическом и реальном образовании, который постоянно без того будет разделять мнения»³⁷. Нельзя не отметить, что фактически профессор Казанский указал здесь тот путь, которым пошло в дальнейшем отечественное высшее образование. Университеты, конечно же, не прекратили своего существования, но постоянный рост количества учебных заведений, специализирующихся в той или иной области знания, стал отличительной чертой развития высшей школы в конце XIX—XX веке.

Обратим теперь внимание на суждения Касицына о состоянии отечественной гомилетики, пасторологии и сравнительного богословия. Они свидетельствуют о том незавидном положении, которое занимали эти дисциплины в высшей духовной школе накануне реформы 1869 г. И странно, что Дмитрий Федорович не смог почувствовать того, что именно открытие отдельных кафедр давало этим предметам возможность выйти на принципиально но-

³⁷ Казанский 1872. С. 88—89.

вый уровень развития. Во второй половине XIX века пастырское богословие и гомилетика постепенно утрачивают свою узко-практическую направленность и становятся самостоятельными богословскими дисциплинами. Точно так же и сравнительное богословие из полемиического приложения к догматике оформляется в углубленное изучение инославных вероучительных систем.

Перейдем теперь к суждениям Дмитрия Федоровича о взаимоотношениях Церкви и современного ему общества и о состоянии МДА к моменту начала реформы 1869 г. Обвиняя духовную школу в замкнутости, он делает обобщающий вывод о разрыве между Церковью и российским обществом. По его мнению, отход от Церкви отечественной интеллигенции был связан не с развращением общества, а с неумением Церкви применить Евангелие к нуждам современного человека. И поэтому равнодушие общества было обращено не к Евангелию, а к способу его проповеди. Касицын призывает приблизить богословие к жизни, направить его на решение насущных общественных вопросов. Фактически он ратует за то, что сегодня принято называть внутренней миссией Церкви.

Здесь следует отметить, что стремление «оживить» церковную жизнь, воскресить в умах современников древний идеал духовного совершенства было свойственно лучшим представителям Русской Церкви XIX века. Об этом много писали святители Игнатий и Феофан, преподобные оптинские старцы и другие духовные мужи. И потому суждения Дмитрия Федоровича следует признать весьма актуальными для его времени. Однако в словах Д. Касицына можно видеть и некоторый перегиб. Он полагает ненужным подробное изучение древних ересей. Современность представляет богословию новые задачи, на которые и следует обратить внимание.

В этом отношении будущее также показало, увы, недальновидность позиции Д. Касицына. Развитие сектантства в XIX—XX веках возродило многие взгляды древних ересеучителей, которые Дмитрий Федорович считал «воздушными мельницами». Поле-

мика с новыми религиозными движениями и сегодня заставляет серьезно изучать историю догматических споров древности. Ведь в XX веке не были редкостью религиозные организации, исповедующие, скажем, арианские или гностические доктрины.

Еще одно важное суждение Касицына, которое нельзя оставить без внимания, это мнение о том, что замкнутая школа порождает в студентах нигилизм. Здесь следует отметить, что перед духовным образованием всегда стоят две опасности. Первая — чрезмерная открытость для проникновения светского влияния. Вторая — чрезмерная замкнутость, порождающая отрыв школы от жизни. Шестиве средним путем — это постоянная творческая задача, для решения которой не может быть дано рецепта на все времена. Поэтому вполне естественно, что она не всегда решалась успешно. И со своей стороны Касицын свидетельствует о современной ему сословно замкнутой духовной школе, которая действительно нередко выпускала из своей среды людей равнодушных к вере.

Нельзя не обратить внимания и на довольно жесткий отзыв Д. Касицына о современном ему русском монашестве. Понять его можно, опять же, только в историческом контексте.

В марте 1869 г. граф Д. А. Толстой подал в Синод «Записку о введении общежития в монастырях». Здесь обер-прокурор признавал, что в русском обществе «более и более слышатся разного рода нарекания на наши монастыри и монашествующих, а иногда высказываются даже мысли о совершенном уничтожении монастырей»³⁸. Граф Толстой предлагал ввести в мужских, а по возможности и в женских монастырях общежительные уставы. Более того, некоторые места «Записки» давали основания думать, что вследствие предложенной обер-прокурором реформы монашеской жизни некоторые обитатели могут оказаться закрытыми.

³⁸ Предполагаемая реформа в русском монашестве // ПО. 1869. Июль. С. 116.

Этот документ был опубликован в июльском выпуске «Православного обозрения», где с ним, видимо, и ознакомился Д. Касицын. Поэтому в своей статье он и говорит о грядущей реформе русских монастырей и неизбежном закрытии части из них, как о деле решенном. Но реформа в русских монастырях проведена не была. Синод ограничился лишь рекомендацией о желательности введения в обителях кинонии как необходимой основы монашеского подвижничества³⁹.

3. ПОЛЕМИКА ПО ПОВОДУ ВОЗМОЖНОГО ПЕРЕЕЗДА АКАДЕМИИ В МОСКВУ

Первая известная нам реакция на статью Касицына принадлежит профессору МДА П. С. Казанскому. Уже 9 октября (то есть через четыре дня после выхода в свет тридцать седьмого номера «Современной летописи») в письме к своему родному брату Костромскому архиепископу Платону, Петр Симонович довольно жестко отозвался о публикации Дмитрия Федоровича: «Прочли, конечно, в газетах московских нелепую статью Касицына, нашего бакалавра: должна ли Академия оставаться в Лавре? Вспомнишь покойного святителя⁴⁰. При нем не заговорили бы так. Самомнение диктовало статью, корыстолюбие влечет в Москву, там бы добывать деньги уроками. Но жалка бестактность. Давать орудие нашим врагам в руки. Может быть, и подбили его. Статья эта возмутила нас»⁴¹.

В октябрьском номере «Православного обозрения» появился и первый печатный отзыв на публикацию «Современной летописи»⁴². Имя автора статьи в журнале не указано. Однако содержание отзыва дает основания думать, что вышел он из академи-

ческой корпорации. В отличие от Петра Симоновича, автор отзыва вполне солидарен с мнением Д. Ф. Касицына. Он довольно высоко оценивает статью, появившуюся в «Современной летописи»: «Нельзя не благодарить автора за прямое и откровенное слово о нужде перевести Московскую академию из Сергиевского Посада в Москву... В настоящее время этот созревший вопрос сам собою становится на очередь»⁴³.

Автор отзыва полагал, что «применение требований нового Устава не может вполне осуществиться для Московской академии, если и на будущее время останется она в Посаде»⁴⁴.

Одной из главных черт нового Устава было утверждение всеобщего характера высшего духовного образования. Кроме казеннокоштных и своекоштных студентов, в Академии отныне могли посещать лекции и вольнослушатели. Причем плата за обучение с них не взималась (§ 8 Устава)⁴⁵. «Но кто же из образованных молодых людей согласится ехать в Посад и жить там, чтобы слушать академические курсы?» Далее в отзыве отмечается, что новый Устав предполагает чтение в Академиях публичных лекций (гл. XIV, § 170), проведение публичных диспутов при защите магистерских и докторских диссертаций (гл. 11, §§ 139, 144, 145), учреждение ученых обществ (гл. XIV, § 170). «Но не останется ли это все мертвою буквою для Московской академии», — восклицает автор отзыва, — если она по-прежнему будет в Сергиевском Посаде?»

Рассматривая суждения Касицына о современной ему академической и лаврской жизни, автор отзыва дополняет представленную Дмитрием Федоровичем картину и своими личными наблюдениями: «Никто из живших в Московской академии не может забыть той прискорбной, ни с чем не сообразной зависимости, в какой поставлена Академия к монастырю. Московская акаде-

³⁹ См.: Смолч 1999. С. 290.

⁴⁰ Имеется в виду святитель Филарет (Дроздов), митрополит Московский.

⁴¹ Беляев 1916. С. 306.

⁴² Отзыв 1869. С. 485—494.

⁴³ Там же. С. 485.

⁴⁴ Там же. С. 489.

⁴⁵ Устав 1869. С. 1.

мия живет буквально под монастырским замком: она сообщается с внешним миром через монастырские ворота, которые запираются и отпираются по монастырскому уставу. Понятно, сколько неприятностей отсюда происходит...»⁴⁶

Из других неудобств, связанных с местоположением Академии, автор отзыва обращает внимание на следующее: находясь в 60 верстах от Москвы, Академия «удалена от непосредственного надзора своего попечителя», то есть московского митрополита. Удаленность от Москвы также затрудняет работу над академическими изданиями: «Возможно ли живое ведение литературного, особенно журнального дела при таких условиях, и не имело ли влияние на прекращение изданий Московской академии ее удаленное от Москвы положение?»⁴⁷

Но и это еще не все. В Сергиевом Посаде Академия не имеет возможности оказывать студентам квалифицированную медицинскую помощь. Заболевших студентов «держат в Академии до последней возможности, а потом — конец один — отправляют в Москву в сомнительном или безнадежном положении»⁴⁸.

Академии также нередко приходится вызывать из Москвы специалистов для выполнения необходимых работ, поскольку в Посаде их найти невозможно. Например, из старой столицы регулярно приглашаются портные с артелями для пошива студентам форменной одежды, и берут они за работу «немало лишних денег»⁴⁹.

Заканчивался отзыв весьма эмоциональным призывом: «Академия должна быть возвращена Москве. Если останется она в Сергиевском Посаде и на будущее время, то это будет анахро-

⁴⁶ Отзыв 1869. С. 488.

⁴⁷ Там же. С. 488. Здесь имеется в виду один из перерывов в издании академической серии ТСО и ПрибТСО с 1865 по 1870 гг. Подробнее см.: Библиографический указатель к ТСО // БВ 3. 2003. С. 277—278.

⁴⁸ Там же. С. 488.

⁴⁹ Там же. С. 489.

низм ничем необъяснимый, за который можно поплатиться в будущем потерей влияния духовной науки на общество»⁵⁰.

В октябре 1869 г. на выступление Касицына отреагировали и другие периодические издания. Так, 15 октября петербургский «Современный листок» (газета, выходившая в 1863—1871 гг. при духовном журнале «Странник» под редакцией А. Поповицкого) опубликовал свой отзыв на статью Дмитрия Федоровича. Уже в самом начале отзыва авторы «Современного листка» отмечают, что им «приятно заявить», что господин Касицын отрицательно отвечает на вопрос о целесообразности дальнейшего пребывания Московской духовной академии в Сергиевом Посаде. Далее следует изложение основных положений статьи Дмитрия Федоровича с небольшими комментариями. В частности, «Современный листок» считал одним из несчастий профессорско-преподавательской корпорации МДА отсутствие в Сергиевом Посаде общества и развлечений⁵¹.

29 октября на публикации Касицына откликнулись и «Московские ведомости»⁵². В небольшой заметке кратко изложены основные мысли двух его статей и указаны опечатки, вкравшиеся в эти публикации. Газета также отмечает положительную реакцию «Православного обозрения», называя отзыв, увидевший свет в октябрьском номере этого журнала, «прекрасной статьей» и интерпретируя его как сочувствие московского духовенства плану переезда Академии в Москву.

Таким образом, публикации Касицына вызвали отклик в разных печатных изданиях. Причем отзывы, появившиеся в прессе в октябре, как мы видим, были исключительно положительными.

Совершенно иной была реакция церковного руководства. 3 ноября святитель Иннокентий (Вениаминов), митрополит Мо-

⁵⁰ Там же. С. 494.

⁵¹ Современный листок политических, общественных и литературных извещений. № 83. 15 октября 1869 г. С. 1—2.

⁵² Московские ведомости. № 235. 29 октября 1869 г. С. 2.

сковский, направил в правление Московской духовной академии «Предложение», специально посвященное статье Дмитрия Касицына. Этот документ был получен в Академии 5 ноября⁵³.

Митрополит довольно строго оценил сочинение молодого бакалавра: «Автор в газетной статье бросает тень на преподавание богословских наук в Академии и на поведение студентов»⁵⁴. Святитель обратил внимание правления на те суждения Касицына, которые, по его мнению, требовали разъяснения.

Первое — это высказывания о преподавании богословских дисциплин в МДА. Митрополит приводит уже известные нам места статьи об оторванности богословской науки от жизни, о полемике с давно ушедшими в историю ересями, о схоластическом характере академического преподавания.

Второе — отзыв о студентах МДА. По мнению святителя, автор статьи «о студентах Академии говорит как бы об оставленных начальством без заботы о их нравственном направлении, ибо, по его мнению, они незащищены „от тлетворного влияния духа времени“, находясь в опасности увлечься „материализмом и другими зловерными учениями“... Словом, говорит о студентах только с худой стороны и без всяких ограничений; и ничего с доброй»⁵⁵.

В-третьих, митрополит Иннокентий был недоволен суждениями автора о жизни лаврской братии. Касицын, по мнению святителя, утверждал, «что жизнь иночествующих в Лавре не только не приносит доброго влияния на студентов, но даже такова, что лучше и не говорить о ней, и что эти соблазны не суть отдельно встречающиеся факты, возможные во всяком благонравном обществе, но таков характер вообще всей братии лаврской, что автор, смотря на сие, невольно приходит к заключению о необходимости „радикальной реформы монастырской“»⁵⁶.

⁵³ «Предложение» митрополита Московского Иннокентия в Правление МДА от 3 ноября 1869 (№ 280). Копия. ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 7. Л. 1.

⁵⁴ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 7. Л. 1.

⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 7. Л. 1 об.

⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. хр. 7. Л. 1 об.

В заключение своего письма митрополит говорит следующее: «Как статья подписана полным именем одного из бакалавров Академии, то сие возбуждает в начальстве заботу знать: 1. Сказанное в вышеизложенных обвинениях есть ли убеждение общее наставников Моск. д. академии, выраженное одним из среды их как общим органом, или мнение одного бак. Касицына? 2. Во всяком случае, требуется, чтобы автор, не скрывший своего [имени], дал академическому правлению по сему объяснение, в котором доказал бы справедливость своих обвинений точными фактами, если может, а академическое правление делопроизводство, которое должно быть ведено без огласки, с своим заключением представит мне»⁵⁷.

Как мы видим, в «Предложении» митрополита Иннокентия главный пункт статьи Касицына (о необходимости перевода Академии в Москву) вообще не затрагивается. Суждения святителя касаются лишь отдельных высказываний молодого бакалавра. В одном из частных писем профессора П. С. Казанского говорится о том, что святитель Иннокентий сочувственно отнесся к предложению о перемещении Академии в Первопрестольную⁵⁸. К сожалению, найти подтверждение этим сведениям в каких-либо других источниках нам не удалось.

Повинуясь воле митрополита, правление МДА истребовало у Дмитрия Касицына объяснение по поводу его выступлений в печати, которое и было представлено в письменном виде 13 ноября 1869 г.⁵⁹

Свое объяснение Дмитрий Федорович предваряет общим замечанием о том, что недоразумение, возникшее «относительно некоторых мест и выражений» его статьи, отчасти обусловлено тем, что «означенная статья напечатана не в полном виде,

⁵⁷ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 7. Л. 2.

⁵⁸ См. письмо проф. П. С. Казанского к архиеп. Платону от 17 ноября 1869. Беляев 1916. С. 317.

⁵⁹ «Объяснение» Дмитрия Касицына, поданное в правление Московской духовной академии 13 ноября 1869. Копия. ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 8.

...а в значительно сокращенном редакцию „Московских ведомостей“». «Оттого, — продолжает Касицын, — то, что сказано было вообще, может получать в некоторых местах совершенно частное приложение именно к Московской духовной академии и только к ней одной»⁶⁰.

После этого Дмитрий Федорович переходит к ответу на три вопроса, предложенные святителем Иннокентием.

По поводу своих суждений о современном состоянии богословского образования Касицын отмечает, что вовсе не считает всех преподавателей МДА апологетами неподвижности и замкнутости высшей духовной школы. В доказательство он приводит место своей статьи, где говорится, что «истинные преподаватели высшего духовного образования не разделяют этого взгляда»⁶¹. Дмитрий Федорович также указывает на другое место, в котором приведена цитата из речи отца Александра Горского на юбилейном акте в честь 50-летия МДА в 1864 г. Здесь автор речи назван «высокопочтимым», а сама речь определена как «замечательная»⁶². Таким образом, Касицын указывает на то, что в его статье есть положительные отзывы о преподавателях Академии и неблагоприятное впечатление от его сочинения объясняется все тем же «общим замечанием о значительных выпусках, ...вследствие которых становится не для всех ясным разграничение между тем, что сказано было вообще, и тем, что относится именно к Московской духовной академии»⁶³.

Отрицая обвинение в огульном осуждении преподавания богословских наук в МДА, Дмитрий Федорович все же настаивает на том, что общие мысли о высшей духовной школе, высказанные в его статье, «могут быть полезны для современной богословской науки и ни в каком случае не могут быть вредны для нее»⁶⁴.

⁶⁰ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 8. Л. 1.

⁶¹ Касицын 1869. I. С. 8. Ст. 3.

⁶² Там же. С. 8. Ст. 3.

⁶³ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 8. Л. 1 об.

⁶⁴ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 8. Л. 2.

Этих общих мыслей, как считает сам автор, в статье было лишь две: «а. Разрыв между богословскими и так называемыми светскими науками, особенно естественными, и б. забвение, в следствие этого разрыва, многих существенных современных требований»⁶⁵. Дмитрий Федорович особо подчеркивает, что речь идет именно о «примирении», то есть о попытке согласования данных богословских и естественных наук, и ни в коем случае не о силовом давлении на светских ученых: «Современное отношение Рима к науке должно быть нам предостережением»⁶⁶.

Д. Касицын еще раз специально повторяет свою мысль о том, что церковная наука должна непременно удовлетворять «современные насущные потребности»: «Богословская наука, по самому существу своему, должна утверждать человека в истинах христианства. Если же она оставляет существование двух истин рядом, она тем самым свидетельствует, что далеко не выполняет своей цели»⁶⁷.

«Мне могут указать на две, на три статьи, доказывающие противное, — продолжает Дмитрий Федорович, — в ответ на это могу только пожалеть, что их две, три — не более; тогда как обширная антихристианская литература требовала бы подобного же сильного противоядия»⁶⁸.

Касицын приводит один, с его точки зрения характерный, пример отрыва церковной науки от реальной жизни. «Несмотря, например, на то, что я окончил курс первым учеником в Семинарии и в первом пятке в Академии, я, до недавнего времени, оставался почти в совершенном неведении о расколе... Можно сказать, помимо моего сознания мне преподали сведения о Карпократе и Василиде, Арии и Македонии: почему же не сообщили мне таким же образом и сведений о нашем расколе? Ответ тот, что сведе-

⁶⁵ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 8. Л. 2.

⁶⁶ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 8. Л. 2 об.

⁶⁷ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 8. Л. 2 об.

⁶⁸ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 8. Л. 3.

ниям первого рода предавали существенное значение, так что без них немислимо вести образование; сведения же последнего рода рассматривались как некоторая роскошь в знании, без которой можно и обойтись...»⁶⁹

Далее Дмитрий Федорович переходит к разговору о нравственном воспитании студентов в Сергиевом Посаде. Он повторяет свои суждения о том, что монастырские стены сами по себе не предохраняют от «тлетворного влияния духа времени», однако подчеркивает, что в этом нет ничего оскорбительного для академической корпорации. В Сергиевом Посаде «за недостатком хорошего знакомства студенты вынуждены быть менее разборчивыми в своих знакомствах. Вина за это опять падает не на начальство и не на студентов Академии, а на тех, которые поместили Академию в Посаде. Студенты Академии не мальчики, которые не могут сделать ни одного шага без гувернера... С перемещением Академии в Москву указанное явление прекратилось бы само собою; студенты Академии с любовью были бы приняты в домах московского духовенства и не только одним духовенством»⁷⁰.

На третий пункт письма московского святителя Д. Касицын замечает следующее. О том, что жизнь русских монастырей далека от идеала, предначертанного древними подвижниками, свидетельствует официальная «Записка» обер-прокурора о необходимости введения в отечественных обителях общежительного устава. «Как постоянный житель монастыря в течение целых шести лет (не говоря о 8 годах, проведенных в 3-х верстах от Лавры) в случае крайности могу указать и с своей стороны факты в подтверждение той же мысли»⁷¹.

В заключение своего «Объяснения» бакалавр Касицын подчеркивает, что статья была подготовлена им совершенно самосто-

⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 8. Л. 3.

⁷⁰ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 8. Л. 4—4 об.

⁷¹ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 8. Л. 6.

ательно: «Никакого поручения к написанию означенной статьи с какой бы то ни было стороны не имел»⁷².

Пока в Академии «без огласки» вели официальное делопроизводство, возбужденное по поводу «Предложения» святителя Иннокентия, в прессе продолжалась полемика. Мы уже говорили о резко отрицательном отношении к публикациям Касицына профессора МДА П. С. Казанского. В ноябре он высказал свою точку зрения и в печати. 16 ноября в очередном (сорок шестом) номере «Московских епархиальных ведомостей» появилась заметка «О переводе Московской духовной академии из Сергиевой лавры в Москву»⁷³. Она была опубликована анонимно, но из переписки профессора МДА С. К. Смирнова с епископом Саввой (Тихомировым) известно, что автором этой статьи был именно Петр Симонович Казанский⁷⁴.

В своей небольшой заметке профессор Казанский довольно жестко критикует Касицына и его сторонников. Петр Симонович отстаивает, можно сказать, классическую точку зрения на этот предмет. Во-первых, профессор Казанский напоминает ту, как мы видели, достаточно древнюю истину, что «заниматься науками гораздо удобнее там, где представляется менее развлечений. В Германии многие университеты основаны с этою целью в маленьких городах, как то Йене, Геттингене, Гейдельберге, в Англии — в Оксфорде и Кембридже. Шумная столичная жизнь с ее многообразною деятельностью, с ее разными интересами как у учащихся, так и у учащихся невольно будет отнимать много времени... Странно было бы в заботах о том, чтобы доставить развлечение наставникам или студентам, желать перенесения Академии в столицу. Многие из профессоров университета завидовали той тишине, которой пользуется Московская духовная академия». Профессор Казанский, который лично встречался с

⁷² ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 8. Л. 6 об.

⁷³ О переводе 1869. С. 10—12.

⁷⁴ Письмо от 24 декабря 1869. См.: Тихомиров 1902. С. 248—249.

А. П. Стенли в 1857 году, вспоминает, что англиканский ученый, когда осматривал Московскую академию, все время повторял: «Это Оксфорд, Оксфорд»⁷⁵.

Во-вторых, помещенная в маленьком городке Академия сумела создать «тесно-дружественное братство, которое соединяет всех наставников и студентов, ... о котором понятия не имеют другие высшие учебные заведения, помещенные в столицах»⁷⁶.

В-третьих, Троице-Сергиева лавра благотворно влияет на студентов, готовящихся к вступлению в духовное звание: «Торжественность лаврского богослужения, исполнение устава церковного во всей его полноте, благолепие храмов знакомят незаметным образом с нашею церковностью в ее, так сказать, идеальном виде»⁷⁷.

По поводу удаленности Лавры от Москвы Петр Симонович говорит, что ныне Сергиев Посад соединен с Москвой железной дорогой и это дает возможность находиться «в близком общении» со старой столицей. В МДА имеются полные сведения о всех новейших движениях научной мысли. При этом Академия, «живя не среди самого водоворота столичной жизни, которая могла бы увлечь и ее, а наблюдая несколько издали за нею, (...) лучше понимает и оценивает многие явления современности»⁷⁸.

Среди других преимуществ расположения Академии в Лавре профессор Казанский отмечает и то, что «жизнь в Посаде дешевле», а «воздух здоровее». Полемизируя с утверждениями о замкнутости Академии в стенах монастыря, Петр Симонович указывает на тот факт, что в Питерской академии ворота принято запирают в девять часов вечера, в то время как лаврские ворота открыты до десяти. Профессор Казанский не может понять и сожаления об отсутствии в Посаде возможности давать частные

уроки: «Не может быть хорошим студентом тот, кто в частных уроках ищет единственно средств к жизни. Университеты столичные заботятся ограничить это зло»⁷⁹.

Скептически отнесся Петр Симонович и к финансовым расчетам Касицына: «Перенесение Академии в Москву стоило бы, может быть, миллиона. Странно было бы бросать деньги на ненужное дело. Финансовые расчеты г. Касицына мы не можем принять за что-либо серьезное»⁸⁰.

В заключение своей статьи профессор Казанский специально подчеркивает, что мысль о перенесении Академии в Москву не является мыслью большинства академической корпорации, равно как не разделяется она и большинством московского духовенства.

23 ноября в очередном (сорок седьмом) номере «Московских епархиальных ведомостей» появилась еще одна заметка по поводу разгоревшейся полемики. Она подписана инициалами «К. П.». В заглавии говорится, что автором ее является некий «московский гражданин»⁸¹. На вопрос о целесообразности перевода Академии в Москву здесь дается отрицательный ответ. Автор заметки полагает, что «основание Московской духовной академии при святой обители преподобного Сергия Чудотворца последовало не без промысла Божия: здесь студенты, взирая на образ жизни прославленного великого угодника Божия, усваивают в себе его смиренномудрие и чистоту сердца, чрез которые и достигается совершенное познание Святой Живоначальной Троицы, просвещающей всякого человека»⁸².

В ноябрьской книжке «Православного обозрения» также появилась небольшая заметка, посвященная полемике, разгоревшейся вокруг публикаций Касицына. Заметка датирована 20 но-

⁷⁵ О переводе 1869. С. 11.

⁷⁶ Там же. С. 11.

⁷⁷ Там же. С. 11.

⁷⁸ Там же. С. 11.

⁷⁹ Там же. С. 12.

⁸⁰ Там же. С. 12.

⁸¹ К. П. 1869. С. 11.

⁸² Там же. С. 11.

ября. Редакция «Православного обозрения» еще раз поддержала позицию Дмитрия Федоровича. Поэтому положительные отзывы на его статьи, увидевшие свет в октябре — ноябре 1869 г., здесь лишь перечисляются. Отрицательный же отзыв, опубликованный в сорок шестом номере «Московских епархиальных ведомостей», разбирается более подробно. Интересны, прежде всего, суждения редакции «Православного обозрения» об авторе этого отзыва: «Вероятно, она (статья в «Московских епархиальных ведомостях». — В. Б.) написана каким-нибудь добрым лаврским старцем, может быть искренно ревнующим о благе духовного просвещения, но совершенно не понимающим как требований общественной жизни, так и современного состояния Московской академии, ее отношений к обществу, отношений к Лавре, характера научной деятельности и нравственных настроений большей части ее наставников и студентов, отношений студентов к профессорам и профессоров между собою»⁸³. При этом «Православное обозрение» уклоняется от подробного разбора суждений «доброе лаврского старца», дабы не касаться «многих таких вещей, о которых без крайней нужды не хотелось бы говорить»⁸⁴. Все же здесь признается, что переезд в Москву не является общим чаянием всей академической корпорации («нам хорошо известно, что в Академии есть личности, не могущие желать этого»⁸⁵).

Указанная заметка, по сути, лишь констатировала факт наличия разномыслия в академической корпорации. Здесь нельзя не обратить внимания на суждения о «добром лаврском старце». В них отчасти можно видеть намек на то, что профессора старого поколения не поддержали Д. Ф. Касицына, в то время как среди молодых преподавателей его план встретил сочувствие.

К концу ноября внутреннее правление МДА во исполнение «Предложения» святителя Иннокентия представило ему и свое

⁸³ По вопросу о переводе 1869. С. 451.

⁸⁴ Там же. С. 452.

⁸⁵ Там же. С. 452.

объяснение по поводу публикации бакалавра Касицына. Черновик этого документа, сохранившийся в бумагах отца Александра Горского⁸⁶, показывает, что автором объяснения был сам отец ректор. Объяснение написано его рукой. Видно, что отец Александр сам же занимался и детальной правкой этого документа. Так что мы имеем полное право считать официальный отзыв правления выражением позиции протоиерея А. В. Горского. Следует также помнить, что по Уставу 1808 г. внутреннее академическое правление состояло всего лишь из трех человек — ректора, инспектора и эконома⁸⁷. В 1869 г. это были, соответственно, протоиерей А. В. Горский, архимандрит Михаил (Лузин) и лаврский иеромонах Иринея⁸⁸.

Отзыв правления датирован 28 ноября 1869 г. Прежде всего, принимая во внимание заявление Касицына о сокращении его статьи редакцией «Московских ведомостей», протоиерей А. Горский все же замечает, что если в результате редакторской правки был существенно изменен смысл сочинения, то автору надлежало поместить об этом сообщение в том же издании, дабы избежать возникших недоразумений.

Во-вторых, отец ректор не согласен с тем определением схоластики, которое привел в своей статье Д. Ф. Касицын: «Приведенное в статье бак. Касицына объяснение, что такое разумет он под именем схоластики, представляется недостойным солидного преподавателя церковной истории набором слов, без надлежащей разборчивости повторяемых с голоса некоторых светских изданий, разумеющих под именем схоластики не только известный способ изложения богословского и философского учения, но и многие существенные истины христианского вероучения. Да будет сие сказано не в защиту средневековой учености, которой основание однако ж, как должно быть известно автору статьи,

⁸⁶ ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. 9. Л. 1—4.

⁸⁷ Смирнов 1879. С. 256; Смолитч 1996. С. 422.

⁸⁸ Смирнов 1879. С. 354, 384.

положено системою богословского учения св. Иоанна Дамаскина, но в напомиание, что и у схоластов можно поучиться более строгому и последовательному развитию мыслей»⁸⁹.

В-третьих, отец Александр обращает внимание на заявление Касицына о том, что в Академии «помимо его сознания» ему были сообщены сведения о древних еретиках, и что преподаватели МДА и по сей день ведут полемику с древними ересиархами. «Автор должен сознаться, — довольно жестко заключает о. А. В. Горский, — что помимо или не помимо своего сознания он клеветает на преподавателей духовных училищ, каких бы то ни было». Своими высказываниями Касицын «предал глумлению несведущих людей те самые училища, которые его воспитали»⁹⁰.

Несогласен отец ректор и с суждениями Дмитрия Федоровича о недостаточном внимании к изучению истории и вероучения старообрядческого раскола. Сведения о расколе сообщаются всем студентам в курсе полемического богословия. Поэтому свою неосведомленность Касицын «должен объяснить чем-нибудь другим, а не недостатком внимания к этого рода знаниям в Академии. Видно, сам автор (то есть Д. Ф. Касицын. — В. Б.) обращал внимание более на другие стороны богословского образования в Академии, чем на эту»⁹¹.

Далее отец ректор обращает внимание на заявление Касицына о том, что монастырские стены не защищают от тлетворного влияния духа времени. Он признает, что брожение умов наблюдалось и в среде воспитанников духовных учебных заведений. Но если «в некоторых высших учебных заведениях вне-монастырских это брожение выразилось в различных беспорядках и даже возмутительных движениях, в духовных академиях, состоящих в монастырях, и в том числе в Московской, оно отнюдь не достигло до такой степени». Так что воздействие «ложных идей», наве-

ваемых чтением либеральных журналов, «в светских кружках... отразилось гораздо сильнее, чем в монастыре, где духу времени противится другой дух, независимый от времени»⁹².

Категорически несогласен отец Александр и с мнением о неблагоприятном воздействии Лавры на Академию. Здесь он вполне солидарен с профессором Казанским. Отец ректор подчеркивает, что пребывание студентов в этом святом месте, привлекающем к себе богомольцев «из самых отдаленных краев России», весьма полезно «для их собственного нравственного укрепления»⁹³.

В заключение он сообщает, что, «основываясь на личных отзывах многих наставников Академии», члены правления считают своим долгом заявить, что «нисколько не разделяют укоризненных мнений об Академии и отношении к ней Лавры и, напротив, выражают решительное неодобрение обидных для той и другой или, по меньшей мере, опрометчивых суждений, высказанных в статье б. Касицыным»⁹⁴.

Рассмотренный документ является еще одним свидетельством разномыслия в академической корпорации. Ректор Академии протоиерей Александр Горский, как мы видим, довольно жестко критикует суждения Д. Ф. Касицына. При этом нельзя не отметить, что собственно вопрос о перемещении Академии в Москву здесь затрагивается лишь косвенно.

В декабрьской книжке «Православного обозрения» появилась еще одна публикация, посвященная возможному переводу Академии в Москву⁹⁵. В этом номере журнала после небольшого предисловия редакции были помещены две статьи, написанные преподавателями МДА. Первая датирована 29 ноября 1869 г. Автором ее был экстраординарный профессор Василий Никифорович

⁸⁹ ОР РГБ. Ф. 78. К 19. Ед. 9. Л. 2.

⁹⁰ ОР РГБ. Ф. 78. К 19. Ед. 9. Л. 2 об.

⁹¹ ОР РГБ. Ф. 78. К 19. Ед. 9. Л. 2 об.

⁹² ОР РГБ. Ф. 78. К 19. Ед. 9. Л. 3.

⁹³ ОР РГБ. Ф. 78. К 19. Ед. 9. Л. 3 об.

⁹⁴ ОР РГБ. Ф. 78. К 19. Ед. 9. Л. 3 об.

⁹⁵ К вопросу о перемещении. 1869. С. 453—469.

Потапов, преподававший в то время логику и историю новой философии⁹⁶. Вторая статья датирована 2 декабря. Она принадлежит перу бакалавра патристики Александра Алексеевича Смирнова. Заметим, что оба автора принадлежали к молодому поколению академических преподавателей. В. Н. Потапов окончил МДА в 1858 году, а А. А. Смирнов — в 1864. Последний, как мы видим, был однокурсником Д. Ф. Касицына.

Прежде всего В. Н. Потапов и А. А. Смирнов отмечают, что в Академии план ее перемещения в Москву нашел примерно одинаковое количество противников и сторонников. Оба автора несогласны с П. С. Казанским в том, что в Сергиевом Посаде меньше «развлечений», нежели в Москве. А. А. Смирнов по этому поводу замечает: «Автор находит, что в Лавре меньше развлечений для студентов Академии, чем было бы в Москве; но если ближе всмотреться в условия настоящего помещения Академии, то их, напротив, представляется гораздо больше, чем в столице. Всем известно огромное стечение богомольцев в Сергиеву лавру в весеннее, летнее и даже осеннее время. Они не дают покоя ни наставникам, ни студентам Академии, так что иногда приходится принимать меры предосторожности, запирают двери от случайно по незнанию места или намеренно с дурною целью заходящих в здания Академии разных посетителей»⁹⁷. Студенты Академии лишены возможности подражать древним перипатетикам, поскольку все академические и лаврские сады в теплое время года заполнены богомольцами. Праздная толпа постоянно предстает взору студентов и в Посаде, а для того, чтобы выйти за пределы города, нужно проделать путь в две версты. С наступлением холодов «заедает наставников и студентов страшная скука и апатия; развлечься нечем»⁹⁸.

Любопытны суждения обоих авторов о ценах и воздухе в Сер-

гиевом Посаде. В один голос они уверяют, что цены в Посаде на самом деле выше, чем в Москве, поскольку «все, что продается в Посаде, привозится из Москвы». Дешевле здесь лишь дрова. «Даже квартиры в нем недешевы, и сносных квартир в нем очень немного»⁹⁹. Посадский воздух признается ими ничуть не лучшим московского. А. А. Смирнов полагает, что заявление о том, что воздух в Посаде лучше, «еще требует подтверждения»¹⁰⁰, а В. Н. Потапов прямо заявляет, что «воздух в Москве, за исключением разве немногих местностей, не хуже, чем в Посаде. Разница, и то небольшая, заметна только в летнее время»¹⁰¹.

Оба автора несогласны и с тем, что преподаватели МДА могут верно оценивать явления современной им общественной и научной жизни. «В Московской академии, — замечает В. Н. Потапов, — легко может быть такой случай: положим, кто-нибудь получил первоначальное образование в дмитровском или звенигородском училище, затем воспитывался в Вифанской семинарии среди полей и лесов дремучих, оттуда перешел в Московскую академию, показал отличные успехи и оставлен наставником в той же Академии. Очевидно, что он стал одним из представителей Московской академии. Но можно ли сказать о нем, что он лучше понимает современные общественные явления, нежели если бы ему удалось пожить среди этих явлений? Едва ли. Скорее можно ожидать от него мечтательного понятия об них, нежели верной оценки»¹⁰².

Потапов и Смирнов указывают и на принципиальные отличия Сергиева Посада от небольших европейских городов, в которых находятся известные немецкие и английские университеты. «Эти маленькие города вовсе не одно и то же, что Сергиев Посад, — пишет А. А. Смирнов, — что доставляет им огромное преимуще-

⁹⁶ См.: Смирнов 1879. С. 393.

⁹⁷ Там же. С. 463—464.

⁹⁸ Там же. С. 464.

⁹⁹ Там же. С. 457.

¹⁰⁰ Там же. С. 467.

¹⁰¹ Там же. С. 457.

¹⁰² Там же. С. 458—459.

ство пред Сергиевым Посадом и даже не позволяет их сравнивать с ним, это неизменно высший степень образования жителей этих городов, благоустройство, живописность местоположения их и то, что они почти вовсе не знают суровых времен года. К тому же в некоторых из этих городов, напри^мер в Оксфорде и Кембридже, ректор университета есть вместе с тем и мэр города... Ничего подобного не представляется в Сергиевом Посаде, где как население Посада, так, собственно, и монастыря, вмещающего в своих стенах Духовную академию, ни само не оказывает доброго влияния на Академию, ни от нее ничего доброго не воспринимает. Мы достоверно знаем, что жители Посада и монастыря нисколько не интересуются учеными занятиями Академии и даже не имеют о них ни малейшего понятия»¹⁰³. Поэтому сравнение МДА с Оксфордом, которое делал Стенли, нужно считать не более, чем комплиментом.

Интересен и общий вывод В. Н. Потапова: «Конечно, нет абсолютной необходимости перемещать Академию; она может просто стоять на своем месте еще несколько столетий; потому что строение каменное, что ему сделается? Но таким соображением едва ли станут руководиться при решении вопроса, имеющего столь важное значение»¹⁰⁴.

Следует отметить, что суждения по поводу возможного переезда Академии в Москву высказывались не только на страницах печатных изданий, но и в частных письмах. Например, интересные сведения по этому вопросу мы находим в переписке преосвященного Саввы (Тихомирова). В 1869 г. он занимал Полоцкую кафедру. До своего возведения в сан епископа (в 1861—1862 гг.) архимандрит Савва был ректором МДА, и потому в последующие годы он продолжал живо интересоваться всем происходящим в Лавре и в Академии, переписываясь с некоторыми профессорами и насельниками Лавры.

¹⁰³ Смирнов 1879. С. 465.

¹⁰⁴ Там же. С. 461.

Узнав о предложении Д. Ф. Касицына переместить Академию в Москву, владыка написал в Сергиев Посад профессору С. К. Смирнову следующее: «Каким образом пришло на мысль г. Касицыну проповедовать о необходимости переведения Московской академии из Лавры в Москву; и как на это смотрит Ваше академическое братство? Да скажите, пожалуйста, кем написана статья по этому поводу в «Московских епархиальных ведомостях»? Век реформ и переворотов!»¹⁰⁵

Ответное письмо профессора Смирнова датировано 24 декабря 1869 г. Он, в частности, писал: «Печатные толки о перемещении Академии из Лавры в Москву продолжают к крайнему прискорбию о ректора и большинства наставников. Касицыну были предложены от митрополита три вопросные пункта, но это его не останавливает. В «Епархиальных ведомостях» статья принадлежит тому, о котором сказал я в первом отделении сего письма¹⁰⁶. Борьба, конечно, окончится не перемещением Академии в Москву, ради чего без нужды не захотят тратить огромных сумм, но будет иметь последствием неприятности в самом обществе наставников, а всего более проект Касицына агитирует студентов»¹⁰⁷.

Из контекста письма видно, что С. К. Смирнов не принадлежал к числу сторонников Д. Ф. Касицына. Об этом свидетельствует и не раз упоминавшаяся книга профессора Смирнова, посвященная истории МДА. В этом сочинении Сергей Константинович довольно высоко оценивал нравственное влияние Лавры на Академию¹⁰⁸. Заметим, что профессор Смирнов в 1869 г. был одним из старейших преподавателей. Он окончил МДА в 1844 г. и с тех пор преподавал здесь русскую гражданскую историю. Из воспоминаний А. Л. Катанского известно, что С. К. Смирнов

¹⁰⁵ Письмо от 18.12.1869. Цит. по: Тихомиров 1902. С. 240.

¹⁰⁶ В первой части письма упоминается профессор П. С. Казанский.

¹⁰⁷ Тихомиров 1902. С. 249.

¹⁰⁸ См.: Смирнов 1879. С. 266—267.

примыкал к одному из академических «кружков», в который входили профессор Ф. А. Сергеевский, профессор А. Ф. Лавров, бакалавр П. И. Горский, инспектор архимандрит Михаил (Лузин)¹⁰⁹.

Интересны и суждения лаврского казначея отца Мелетия, которые мы находим в его письме епископу Савве от 23 декабря. Отец казначей не без иронии писал: «Я думаю, Вы читали, что Касицын вздумал переносить Академию в Москву и все рассчитал, как Лавра должна купить у них корпуса и даже прибавить, что лишнего потребует. Я, было, и деньги приготовил, но что-то остановилось дело, кажется, опять остаются на старом месте»¹¹⁰.

Довольно характерный отзыв о сторонниках перемещения Академии в Москву мы встречаем и в уже упоминавшейся переписке П. С. Казанского с архиепископом Платоном. 25 декабря Петр Симонович, между прочим, писал: «Статья в „Современной летописи“, несомненно, принадлежит Касицыну. Некоторое знание фактов и отсутствие логики — вот отличительные черты его письма. Две статьи в „Православном обозрении“ — одна принадлежит Потапову. Он охотник до оперы, а в Посаде ее нет. Потом он давно уже толкует о перенесении Академии в Москву. Другая принадлежит Александру Смирнову. Жена его сучает в Посаде. Она дочь у отца, богатого московского священника, жила всегда в Москве, поэтому и муж должен был переехать в Москву и ездить в Лавру на лекции. Вот защитники перенесения Академии в Москву»¹¹¹.

Развернувшаяся полемика свидетельствовала о том, что профессорско-преподавательская корпорация к концу 1860-х гг. представляла собой совокупность нескольких «кружков» (как называл их А. Л. Катанский), члены которых придерживались

разных взглядов на будущее высшего духовного образования в России.

К концу декабря 1869 г. стало очевидным, что Академия останется на прежнем месте, и в начале 1870 г. разгоревшийся спор постепенно утих сам собой. 8 апреля 1870 г. С. К. Смирнов писал преосвященному Савве: «Толки о перемещении Академии замолкли. Из Петербурга есть известие, что там смотрят на эти толки как на бесплодное занятие праздных голов, и есть совет подготавливать здания Академии к удобному размещению классов и студентов в виду скорой реформы»¹¹².

В 1870 г. в МДА был введен новый Устав, и к 1873 г. Академия полностью перешла на новую программу. Таким образом, стремление Дмитрия Касицына и его сторонников совместить переход на новый Устав с переездом Академии в Москву не было реализовано. Эта инициатива не нашла поддержки ни в церковном руководстве в Петербурге, ни в академической администрации.

Однако полемика в печати не прекратилась. Правда, она несколько трансформировалась. На рубеже 1871—1872 гг. «Московские ведомости» инициировали дискуссию о возможном слиянии духовных академий с университетами. В этом новом споре приняли участие те же издания и те же лица. Ряд статей появился в «Православном обозрении». Небезынтересный отзыв по этому вопросу опубликовал и П. С. Казанский.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нам остается добавить, что Дмитрий Федорович Касицын, чьи статьи дали толчок столь бурному обсуждению наболевших проблем академической жизни, несмотря на неодобрительное отношение к его публикациям со стороны как академического, так и епархиального начальства, продолжал свою педагогическую деятельность в МДА до 1893 г. В 1873 г. он стал экстраординар-

¹⁰⁹ Там же. С. 204—205.

¹¹⁰ Тихомиров 1902. С. 248.

¹¹¹ Беляев 1916. С. 321—322.

¹¹² Тихомиров 1902. С. 306.

ным профессором, а в 1875 г. был даже командирован за границу для изучения жизни инославных христианских церквей. В 1884 г. после очередной академической реформы ему было поручено преподавание истории и разбора западных исповеданий. В 1889 г. Дмитрий Федорович принял священный сан и был зачислен в штат московского храма святителя Николая в Толмачах на место своего овдовевшего тестя протоиерея Василия Петровича Нечаева. Сам отец Василий Нечаев принял монашество с именем Виссарион и вскоре был возведен в епископский сан (занимал Костромскую кафедру). Владыка Виссарион также передал своему зятю журнал «Душеполезное чтение», редакцию которого он возглавлял с 1866 г. В 1893 г. по выслуге 25 лет в должности преподавателя МДА отец Димитрий Касицын вышел в отставку и с этого времени сосредоточился исключительно на пастырской и издательской деятельности. Скончался он в сане протоиерея 3 декабря 1901 года¹¹³.

Несмотря на то, что полемика вокруг публикаций Д. Ф. Касицына была достаточно оживленной, в позднейшей литературе, посвященной истории МДА, мы почти не находим упоминаний о ней. Весьма показательно, что профессор протоиерей С. К. Смирнов в своей известной книге о Московской академии в разделе, посвященном печатным трудам преподавателей МДА, даже не упоминает рассмотренные выше публикации. При этом он перечисляет здесь, например, статьи Д. Ф. Касицына, увидевшие свет в «Московских ведомостях» и в «Современной летописи» в период с 1869 по 1876 гг. Увы, в этом списке нет публикаций, посвященных перемещению Академии в Москву. Не указаны в книге С. К. Смирнова и отзывы В. Н. Потапова и А. А. Смирнова в «Православном обозрении». Видимо, после 1870 г. в Академии было не принято вспоминать об этом споре.

¹¹³ Подробнее см. о нем: Душеполезное чтение. 1902. Февраль. С. 195—219. Декабрь. С. 502—545; БВ. 1902. Апрель. С. 758—760 (Из академической жизни).

Чем же важна для нас сегодня полемика, имевшая место более ста тридцати лет назад?

Во-первых, рассмотренные выше статьи и заметки являются ценным источником для изучения различных сторон церковной (и не только церковной) жизни шестидесятых годов позапрошлого столетия. Мы находим здесь даже забавные сопоставления цен в Москве и Сергиевом Посаде, равно как и не менее забавные рассуждения о посадском и столичном воздухе, мостовых, круге общения студентов и преподавателей Академии, лаврских богомольцах и многом другом.

Во-вторых, рассмотренные публикации зафиксировали множество идей, волновавших умы преподавателей Академии в эпоху Великих реформ. Весьма замечательны встретившиеся нам суждения о Церкви и российском обществе, задачах апологетики, преподавании гомилетики и пасторологии, взаимоотношениях богословия с естественными науками, состоянии российских монастырей.

В-третьих, рассмотренные документы являются свидетельством перемен, совершившихся в «академическом братстве» в Сергиевом Посаде. Из них видно, что к концу 1860-х гг. Академия в каком-то смысле переставала быть «филаретовской». Конечно, идеал Академии, сформировавшийся при жизни знаменитого московского святителя, оставался значимым и в последующие годы. Но реальность была иной. По свидетельству А. Л. Катанского, уже к середине 1860-х гг. внутри академической корпорации оформились «кружки», которые после введения в жизнь нового академического Устава переросли в «немало враждовавшие между собою» «партии»¹¹⁴.

В-четвертых, многие пункты разгоревшихся тогда споров, как это не парадоксально, и сегодня звучат актуально. Со значительной степенью вероятности можно предположить, что и сегодня сторонники (равно как и противники) возможного перемещения

¹¹⁴ Катанский 1914. С. 204.

Академии из Лавры в Москву употребили бы по большей части те же аргументы, которые высказывались в прессе в конце 1860-х гг. Наверняка говорили бы и о столичных библиотеках, и о столичных ценах, и о столичном воздухе, и о лаврском богослужении, и о лаврских духовниках, и о замкнутости духовных школ, которую необходимо преодолеть, и о сближении с университетом, и о многом другом. Причем говорили бы, пожалуй, в тех же самых выражениях, что и в позапрошлом столетии.

Сегодня, с высоты почти двухвековой истории пребывания Московской академии в Троице-Сергиевой лавре можно увидеть, что соседство старейшей отечественной высшей духовной школы с древней монашеской обителью сформировало особый облик нашей *alma mater*. И из приведенных суждений профессоров старшего поколения видно, что эта часть корпорации очень дорожила самобытностью «Академии у Троицы». Например, профессор П. С. Казанский в упоминавшейся выше статье в «Московских епархиальных ведомостях» писал: «Есть столичная академия¹¹⁵, есть губернские¹¹⁶; не желающий жить в [Сергиевом] Посаде пусть отправляется туда. Но пусть же останется одна Академия вне шума столицы и губернского города, чтобы могли в ней учиться те, которые ищут не развлечений, а серьезного занятия»¹¹⁷.

В современной России духовные академии уже не являются единственными учебными заведениями, в которых можно получить высшее богословское образование. И альтернативой Московской духовной академии являются ныне не только другие академии, но и богословские университеты, институты и факультеты. В складывающемся ныне в России многообразии форм богословского образования Московская духовная академия занимает почетное место. Ее облик сегодня уже неразрывно связан с обителью преподобного Сергия и вполне очевидно, что в сто-

¹¹⁵ Имеется в виду Санкт-Петербургская духовная академия.

¹¹⁶ Имеются в виду Киевская и Казанская духовные академии.

¹¹⁷ Московские епархиальные ведомости. № 46. 16 ноября 1869 г. С. 12.

лице он был бы совершенно иным. Рассмотренная полемика дает нам возможность более пристально взглянуть в самобытный облик нашей Академии и осмыслить ту роль, которую сыграло в ее истории соседство с Троице-Сергиевой лаврой.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники

А) Архивы

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Фонд 78 (Личный фонд А. В. Горского). Картон 19. Единицы хранения 7—9 («Материалы по делу о статье Д. Касицына»).

ЦИАМ — Центральный государственный исторический архив Москвы.

Фонд 229 (Московская духовная академия). Опись 4. Дела: 1645 (личное дело студента Д. Касицына, 1862), 1817 (личное дело студента Д. Ф. Касицына, 1860—1867), 5090 (личное дело преподавателя Касицына Д. Ф., 1871—1908).

Б) Печатные материалы

Беляев 1916 — Беляев А. А., *прот.* Профессор Московской Духовной Академии П. С. Казанский и его переписка с архиепископом Костромским Платоном. Вып. II. СПб., 1916.

Замечания 1868 — Замечания на проект Устава Духовных Академий. СПб., 1868.

К вопросу о перемещении 1869 — К вопросу о перемещении Московской Духовной Академии в Москву // ПО. 1869. Декабрь. С. 453—469.

К. П. 1869 — К. П. Мнение одного московского гражданина по вопросу: должна ли оставаться Московская Духовная Академия и на будущее в Сергиевской Лавре? // Московские епархиальные ведомости. № 47. 1869. С. 11.

Касицын 1869. I — Касицын Д. Должно ли оставаться Московской Духовной Академии и на будущее в Сергиевском Посаде? // Современная летопись. Воскресные прибавления к «Московским ведомостям». № 37. 5 октября 1869. С. 7—11.

Касицын 1869. II — Касицын Д. К вопросу о перемещении Московской Духовной Академии в Москву // Современная летопись. Воскресные прибавления к «Московским ведомостям». № 40. 26 октября 1869. С. 1—3.

Катанский 1914 — Катанский А. Л. Воспоминания старого профессора. Вып. I. СПб., 1914.

О переводе 1869 — О переводе Московской Духовной Академии из Сергие-

ОТДЕЛ II. ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

- вой Лавры в Москву // Московские епархиальные ведомости. № 46. 1869. С. 10—12.
- Отзыв 1869 — Отзыв на статью «Современной летописи»: «Должна ли оставаться Московская Духовная академия и на будущее в Сергиевском Посаде?» // ПО. 1869. Октябрь. С. 485—494.
- По вопросу о переводе 1869 — По вопросу о переводе Московской Академии в Москву // ПО. 1869. Ноябрь. С. 451—452.
- Регламент 1994 — Регламент, или Устав Духовных коллегий // Смирнов В. Г. Феофан Прокопович. М., 1994. С. 140—184.
- С. Н. Б. 1869 — С. Н. Б. Обще-епархиальный съезд московского духовенства // ПО. Известия и замечания. 1869. Сентябрь. С. 303—318.
- Тихомиров 1902 — Савва (Тихомиров), архиеп. Тверской и Кашинский. Хроника моей жизни. Том 4 (1868—1864 гг). ТСА, 1902.
- Устав 1869 — Устав православных Духовных Академий // ПО (Приложение). 1869. Август.

Литература

- Казанский 1872 — Казанский П., проф. О соединении Духовных Академий с университетами // ПрибТСО. Часть 25. М., 1872. С. 71—102.
- П-в Н., свящ. 1908 — П-в Н., свящ. Касицын Дмитрий Федорович // ПБЭ. Т. IX. СПб., 1908.
- Римский 1999 — Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. Церковные реформы в России 1860—1870-х годов. М., 1999.
- Смирнов 1855 — Смирнов С. История Московской Славяно-греко-латинской Академии. М., 1855.
- Смирнов 1879 — Смирнов С. К. История Московской Духовной Академии до ее преобразования (1814—1870). М., 1879.
- Смирнов 1906 — Смирнов С. К. Казанский Петр Симонович // ПБЭ. Т. VII. СПб., 1906.
- Смолич 1996 — Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700—1917. Часть первая. М., 1996.
- Смолич 1999 — Смолич И. К. Русское монашество (988—1917). Жизнь и учение старцев / Приложение к «Истории Русской Церкви». М., 1999.
- Титов 1906 — Титов Ф. Н., прот. Преобразования Духовных Академий в России в XIX веке. Киев, 1906.